

Доминик де Рива: Калининград, разбитое зеркало Европы

04.11.2020.



Доминик де Рива Фото © Catherine Meyer

Как приятно, когда старые знакомые дают новые поводы для встреч и интересных бесед! Шесть лет назад мы рассказывали вам о прекрасном фотоальбоме «[Песчаные люди Шойны](#)», выпущенном лозаннским издательством Éditions Noir sur Blanc. То был результат совместного творчества двух фотографов, швейцарки и белоруса, посвященный крошечному ненецкому поселку на берегу Белого моря, оказавшемуся на грани исчезновения. И вот теперь Доминик де Рива и Дмитрий Лельчук, при поддержке того же издательства, радуют итогом новой трехлетней работы, которая вновь имеет самое непосредственное отношение к нам, выходцам из СССР.

[Калининград](#) находится в 600 км от Берлина, где живут авторы книги, каждый по-своему представившие его читателям. Это второй, после Санкт-Петербурга, по численности населения город Северо-Западного федерального округа, третий (после Риги и Вильнюса) – Прибалтики и седьмой среди городов побережья Балтийского моря. За последние два десятилетия Калининград вошел в шестёрку основных центров внутреннего миграционного притяжения в России. Наши читатели помнят, конечно, что до конца Второй мировой войны город располагался в немецкой провинции Восточная Пруссия, что он был передан СССР по решению Потсдамской конференции 1945 года вместе с северной частью провинции и 4 июля 1946 года сменил свое прежнее название, Кёнигсберг, на Калининград, превратившись таким образом из города королей в город всесоюзного старосты.

KALININ GRAD

LA PETITE RUSSIE
D'EUROPE

DOMINIQUE
DE RIVAZ

DMITRI
LELTSCHUK



О том, чем привлек ее этот город и как велась работа над изданием, мы поговорили со швейцарской писательницей, фотографом и режиссером-документалистом Доминик де Рива. Начали с самого начала.

Наша Газета: Доминик, чем Вас так притягивает Россия? Тем более что «центры притяжения» Вы выбираете не самые легкодоступные, в буквальном смысле слова.

Доминик Рива (смеется): Это притяжение возникло очень давно и, как для многих кинематографистов моего поколения, из-за Тарковского – именно под его влиянием я сделала кино моей профессией. Сегодня молодежь не знает Тарковского, не смотрит его фильмы, да и трудно их где-то увидеть, разве что в киноклубах. Это просто невероятно!

То есть как многие писатели считают себя вышедшими из шинели Гоголя, так Вы считаете себя вышедшей из шинели Тарковского?

Именно так, мне очень нравится этот образ! Чтобы лучше понять Тарковского, я начала читать, в частности, книги о православии, игравшем в его жизни большую роль. Попалась мне и очень интересная книжечка, в которой объяснялось значение иконостаса – я, католичка, ничего об этом не знала. Кончилось тем, что я отправилась в Париж, в Свято-Сергиевский православный богословский институт, попросила о встрече со священником и объявила ему о своем намерении принять православие. Он спросил меня, что я на тот момент читала, и я показала ему эту книжечку, купленную во FNAC. Тогда он поднялся и достал с полки ее рукопись! Это было не единственное совпадение: выяснилось, что он же отпевал Тарковского.



(c) Dominique de Rivaz/Editions Noir sur Blanc

Смена религии из любви к Тарковскому – радикальное решение...

Да, но я ни разу о нем не пожалела, так как оно открыло передо мной многие двери и, главное, сердца в России – стоило сказать по-русски «я православная» и

перекреститься. Но это заставило меня и заинтересоваться политикой, вне которой я раньше стремилась оставаться.

То есть Вы хотите сказать, что, если бы не возможность афишировать свое православие, люди были бы более закрытыми с Вами? Влияние религии в России настолько велико?

Это зависит от того, с кем вы общаетесь. Среди интеллигенции это не имеет никакого значения, но в деревнях, в «народе», при общении с представителями церкви – огромное. Например, когда в Грузии я снимала фильм об одном монахе, то моя религиозная принадлежность была первым вопросом, который задал мне священник в Тбилиси. То же самое произошло в монастыре в Киеве, где я снимала фильм о Бабьем Яре – сестры просто не стали бы со мной разговаривать, если бы я была «дьяволом». Если вы не православная, то вы – враг. В монастыре в Тбилиси я попросила очаровательную монахиню помолиться о болевшей тогда подруге. Узнав, что та не православная, монахиня отказалась. (Удивительно, как эта история перекликается с рассказом [Елены Сикорской-Набоковой](#) о женевском епископе Антонии – Н.С.)



(c) Dmitri Leltschuk/Editions Noir sur Blanc

И Вас это не шокирует?

Разумеется, шокирует! Это настоящее средневековье! Надо понимать, что одно дело – принять православие ради «невидимого», и другое – принимать нынешнего патриарха, которого я решительно не принимаю. И не хожу больше на службы, потому что не могу принять политическую сторону православия – сговор между Церковью и Путиным возмутителен.

Об этом можно долго дискутировать, но давайте вернемся к главной теме нашей беседы - Калининграду. Почему именно с этим городом Вы решили познакомить европейского читателя?

Наверное, стоит напомнить, что до Калининграда было тридцать лет «общения» с Вашей страной. Я работала в Таджикистане, на Украине, в Эстонии, в России... Так что подготовительная работа была проведена солидная (смеется). Последние 25 лет я живу между Берном и Берлином, и периодически меня охватывает ностальгия по России. И вот я заинтересовалась Калининградом, географически столь близким к Берлину, решив представить его во все четыре времени года.



(c) Dominique de Rivaz/Editions Noir sur Blanc

Нельзя не обратить внимание на то, что все фотографии Дмитрия - черно-белые, а все Ваши - цветные. Почему так?

Дмитрий - за исключением заказных фоторепортажей - всегда работает с черно-белой фотографией, это его страсть. А у меня наоборот, за исключением фильма о Бабьем Яре.

Пословица гласит, что человек определяет место, а не наоборот. Калининград когда был прусским городом, но с тех пор сменилось уже несколько поколений. Сохранились ли в нынешних его жителях какие-то типично - или стереотипично - немецкие черты: дисциплина, четкость, организованность или это «обычные советские люди»?

Наверное, это тоже зависит от социального слоя. Общаясь с интеллектуалами, артистами, фотографами, я чувствовала, что им небезразлично немецкое прошлое - обсуждался даже вопрос о возвращении улиц немецких названий. Что же касается

«массы», приехавшей сюда из разных концов бывшей империи, то, на мой взгляд, она была глубоко «осовечена». Вообще, исходя из моего личного опыта, 99% встреченных мною людей были умные, открытые, гордящиеся званием «первых переселенцев». Но, как и в любом народе, встречаются грубияны, идиоты, пьянчуги, и именно они остаются в памяти просто потому, что наводят страх своей агрессивностью.

Я обратила внимание на несколько фотографий, сделанных на кладбище - видны поломанные надгробия с надписями на немецком языке.

Это фотографии Дмитрия. Если не ошибаюсь, это бывшее военное кладбище. Дмитрий, я знаю, общался с людьми, неофициально занимающимися поисками такого немецкого прошлого. Я же искала его следы в архитектуре, на зданиях – сохранившиеся рекламные объявления, названия магазинов. Одно из самых грустных моих впечатлений – исчезнувший после перепродажи здания фасад Kreuz apotheke, старинной аптеки, которую знал каждый житель.



(c) Dmitri Leltschuk/Editions Noir sur Blanc

В тексте, который сопровождает фотографии, Вы говорите об «остановившемся времени». Листая страницы альбома, поражаешься бедности - здания обветшали, люди плохо одеты...

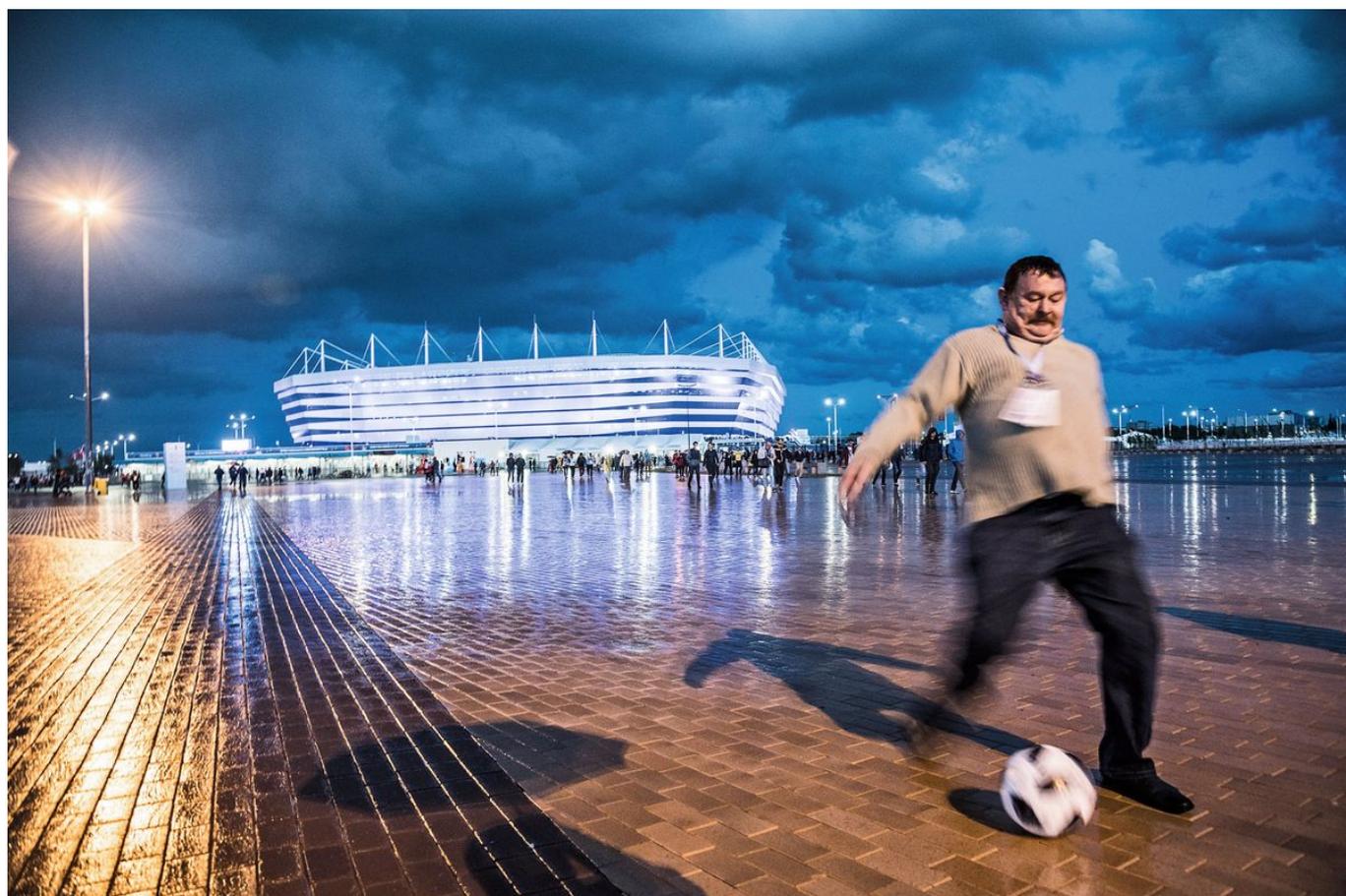
Все быстро деградирует. Но с тех пор, как наша работа была закончена, многие старые дома были снесены и на их месте построены новые. Время остановилось в том, что касается немецкого прошлого. Жители Калининграда вовсе не воспринимают это так, для них время не остановилось.

Удивляет также эклектика стилей - от памятника Ленину до старинной статуи моряка, «вросшей» в современное здание?

Конечно, не все было уничтожено, некоторые до сих пор живут в домах, построенных еще в Пруссии.

Кёнигсберг - город, в котором родился и умер великий немецкий философ Иммануил Кант, современный Калининград мог бы гордиться таким «родством». Однако известно, что в 2018 году памятник ему и его могила подверглись нападению хулиганов-вандалов. Увы, проблема сохранения памяти касается не только России, даже в Швейцарии покушались на памятник [Давиду де Пюри](#) в Невшателе, но обошлось. Как Вы это прокомментируете?

Нельзя ставить на одну планку памятники, оскверняемые и сносимые из-за ассоциаций с расизмом и колониализмом, и памятник Канту.



(c) Dominique de Rivaz/Editions Noir sur Blanc

Но он был немцем, для некоторых этого достаточно.

Люди, облившие памятник Канту краской, - это представители ультраправой молодежи, русских националистов, требовавших и смены названия университета, носящего его имя. Я уверена, что это крайне незначительная часть местного общества. Памятник был отмыт и сохранен, конечно. Но мэр, заботящийся о городском освящении, согласился на то, чтобы могила Канта каждую ночь освещалась теперь, как могила какого-нибудь вампира! Это просто ужас!

В развитие этой темы: жители города были приглашены решить, чьим именем будет называться местный аэропорт. Из трех «кандидатов» - Иммануил Кант, маршал Александр Василевский и императрица Елизавета, правившая Россией в 18 веке - победила Елизавета. Как Вы объясняете результат этого

демократического голосования: русский национализм против Европы, монархия против и советского прошлого, и просвещения?

Я не могу считать то голосование слишком серьезным – достаточно вспомнить, что бюллетени были разложены даже в супермаркетах. Тем не менее, мне кажется, что не все, скажем так, местные люди понимают значимость Канта. Зато что такое царица, понимают все.

Ваша книга предназначена европейцам, прежде всего, франкофонам. Что Вы хотели ею сказать?

Мне хочется, чтобы люди туда ездили, открывали для себя этот регион, похожий на разбитое зеркало, в осколках которого – история Европы.

[история СССР](#)
[современная Россия](#)

Source URL:

<https://www.rusaccent.ch/blogpost/dominik-de-riva-kaliningrad-razbitoe-zerkalo-evropy>